Борис Григорьев.
«Старуха с коровой».

Москов. новости. — 1990. — 25 февр. (№ 8). — с. 14

«Расея» Бориса Григорьева

Открытая в Москве, в залах Советского фонда культуры, экспозиция картин и рисунков Бориса Григорьева оказалась своего рода откровением. Это еще одно скромное доказательство того, что мы очнулись от беспамятства по отношению к собственной истории, художественной в частности.

«...Очаровательный талант, неожиданный и веселый» — такими словами охарактеризовал дебюты художника критик Николай Пунин в журнале «Аполлон» (1915, № 8—9). Действительно, среди мастеров изобразительного искусства русского «Серебряного века» Борис Григорьев занимает особое место. Он соединяет в своих произведениях, казалось бы, несочетаемые качества — идеализацию и характерность, зоркое видение натуры и романтическую фантастику, пластическую завершенность и деформацию изображения на манер кубистов.

Вскоре после революции, в 1919 году, Борис Григорьев уехал за рубеж и его имя на родине оказалось практически неизвестным: выставки произведений мастера не устраивались, посвященных ему монографий и альбомов не издавали.

Не скажу, что эта первая выставка идеально полна — на ней широко представлены работы из собрания Псковского музея, но отсутствуют, например, знаменитый портрет Всеволода Мейерхольда (1916, Гос. Русский музей), блистательная анималистика. Однако общее представление о художнике тут получить вне всякого сомнения можно.

Если отбросить околичности и второстепенные мотивы, творчество Григорьева складывается из двух ведущих начал. Первое — эксцентрический гротеск, связанный с театрально-маскарадными фантазиями. Вспоминается в этой связи, что Григорьев был и автором фрески в петербургском артистическом кабаре «Привал комедиантов» (1916).

А второе — это тематика России, ее полей, усадеб, сел, народных типов. Наиболее полно и разносторонне выразил художник этот круг идей и образов в своем цикле «Расея» (1917) и близких по времени произведениях.

Цикл, так сказать, двухслоен. В нем есть восторженное любование традиционными чертами русского крестьянства — душевной искренностью, человечностью, глубинной связью с природой, наконец, даже славянским характером лиц («Олонецкий дед», «Старуха с коровой», «Крестьянская девочка»).

Но вместе с тем Борис Григорьев действительно «веселый талант». Он изображает своих героев с известной иронией, угловато, порой гротескно. Острое и свежее ощущение живой реальности оберегает его от уныло-нарочитого и сусального благообразия, которое свойственно «псевдорусскому» стилю.